

ШИХЕР Наталья Дмитриевна, аспирант кафедры национальных и федеративных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, начальник отдела Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: Raspberry33@yandex.ru

SHIKHER N.D., Postgraduate student at the Department of National and Federal Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: Raspberry33@yandex.ru, AuthorID: 1086049

ДИСКУССИИ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DISCUSSIONS ON THE PREREQUISITES AND THE RESULTS OF THE FORMATION OF THE MODERN MODEL OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN RUSSIA

Аннотация. Цель статьи – изучение проблемы выбора актуальной для современной России модели государственно-конфессиональных отношений. В научном сообществе данная проблематика вызывает интерес и острые дискуссии. В основном предлагаемые исследователями варианты сводятся к трем моделям: сепарационной, кооперационной или идентификационной (приоритета Русской Православной Церкви). Приверженцы сепарационной модели свидетельствуют о параллельном и независимом сосуществовании государства и религиозных объединений. Они, апеллируя к конституционному принципу светскости. Сторонники кооперационной модели говорят об ориентации государства на взаимодействие с традиционными конфессиями и спорят относительно необходимости законодательной дифференциации религиозных объединений по признаку традиционности. Наконец, апологеты идентификационной модели полагают, что для России исторически и политически ближе модель примата Русской Православной Церкви. На наш взгляд, в России сложилась особая, гибридная модель государственно-конфессиональных отношений, которая может быть охарактеризована как преференциально-кооперационная. Кооперационный ее характер связан с конституционными принципами светскости и равенства религиозных объединений, а также с политическим курсом действующей власти на сотрудничество с традиционными религиозными объединениями. Преференциальный характер обусловлен публичной лояльностью политической элиты к Русской Православной Церкви, государственной поддержкой деятельности Всемирного русского народного Собора, национально-культурной самоидентификацией общества с православной традицией.

Ключевые слова: модель государственно-конфессиональных отношений, государство и религия, светское государство, Русская Православная Церковь.

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of choosing a model of state-confessional relations that is relevant for modern Russia. It is stressed that this issue is of interest and heated discussions in the scientific community.

Much attention is given to three models proposed by researchers: separation, cooperation (differentiated type) or identification (priority of the Russian Orthodox Church). The supporters of the separation model testify to the parallel and independent coexistence of the state and religious associations, appealing to the constitutional principle of secularism. The supporters of the cooperative model talk about the orientation of the state towards interaction with traditional confessions and argue about the need for legislative differentiation of religious associations based on traditions. Finally, apologists for the identification model believe that the model of the primacy of the Russian Orthodox Church is historically and politically closer to Russia. The author emphasizes that a special hybrid model of state-confessional relations has developed in Russia, which can be characterized as preferential-cooperative. Its cooperative nature is connected with the constitutional principles of secularism and equality of religious associations, as well as with the political course of the current government towards cooperation with traditional religious associations.

As a result, the author draws conclusions that the preferential nature is due to the public loyalty of the political elite to the Russian Orthodox Church, state support for the activities of the World Russian People's Council, the national and cultural self-identification of society with the Orthodox tradition.

Keywords: model of state-confessional relations, state and religion, secular state, Russian Orthodox Church.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема выбора актуальной для современной России модели государственно-конфессиональных отношений на протяжении последних десятилетий остается одной из обсуждаемых в научной доктрине. В основном исследователи склоняются к тому, что для России характерна одна из трех моделей: сепарационная (государство занимает нейтральную позицию в отношении религиозных объединений, акцентируя внимание на действующих конституционных принципах светскости и равенства религиозных объединений), кооперационная (государство взаимодействует с определенными религиозными объединениями, преимущественно в социальной сфере, однако принципы светскости и равенства религиозных объединений являются определяющими в государственно-конфессиональных отношениях), идентификационная (государство публично демонстрирует лояльность Русской православной церкви, интегрируя её в общественно-политическое пространство, конституционные принципы светскости и равенства религиозных объединений трактуются в соответствии с политикой государства).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первую группу представляют авторы, исходящие из конституционного принципа светскости и полагающие, что в России сложилась сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений. Согласно позиции коллектива тульских авторов, исходящих из приоритета конституционного принципа светскости, в российском законодательстве реализуется отделительная модель государственно-конфессиональных отношений [3]. О сепарационной модели свидетельствуют также Е. В. Бабошина [1] и С. О. Шаляпин. Однако, по мнению последнего, данная модель нейтральности, ориентированная на Францию, Голландию или США, не органична для России, поскольку не сочетается с национальной традицией. М. О. Шахов полагает, что

от категоричной и одновременно неопределенной конституционной формулировки, закрепляющей светскость, необходимо отказаться. Но при этом в реальности в России не может быть государственной религии: она должна оставаться светской с соблюдением принципа отделения религиозных объединений от государства.

В следующую, самую многочисленную группу входят исследователи, склоняющиеся к тому, что к российской современности приложима кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений. Причем некоторые из них поддерживают функционирование этой модели, а другие выступают ее противниками. Кроме того, представители данной группы дифференцируются по признаку отношения к практической реализации кооперационной модели: большая часть говорит о выделении государством для сотрудничества исключительно традиционных конфессий, а остальные рассуждают теоретически, не оговаривая круг религиозных объединений, с которыми государство взаимодействует. Начнем обзор с последних.

Так, о сложившейся в России кооперационной модели свидетельствуют Е. М. Мирошникова и Т. В. Мордовцева, поскольку при данной модели допустимо «выделение религиозных объединений, отражающих гражданскую, национальную, культурную идентичность большинства граждан» [8, С. 17]. Омские исследователи О. К. Шиманская и Е. Г. Матина констатируют, что в России реализуется кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, в рамках которой обеспечивается легитимное сотрудничество государства с религиозными объединениями. А основными принципами данной модели авторы называют мировоззренческий нейтралитет государства, толерантность и паритет. Нейтралитет они понимают, как неидентификацию государством религиозных и философских учений, невмешательство во внутреннюю жизнь религиозных объединений, жесткое соблюдение принципа равенства граждан, несмотря на их мировоззренческую позицию и убеждения.

Под паритетом предлагается понимать равенство людей в их шансах, независимо от разности убеждений. Толерантность видится авторами важнейшим принципом кооперационной модели, который выражается как в межличностных отношениях граждан, так и в контексте мирного сосуществования различных религиозных объединений.

Е. Н. Салыгин считает, что государственно-конфессиональные отношения в России формируются исходя из концепции исторической избирательности, в силу которой религиозным объединениям предоставляются определенные привилегии исходя из их культурных и исторических заслуг. При этом под привилегиями автор понимает осторожное отношение к иностранным религиозным группам, разделение всех религиозных объединений на организации и группы, борьбу с «тоталитарными сектами» и завуалированное закрепление в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» особой модели государственно-конфессиональных отношений, соответствующей реально сложившейся ситуации.

По мнению А. В. Исаева, в постперестроечные годы в России сложилась кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, предполагающая приоритетное сотрудничество государственных органов с наиболее массовыми и влиятельными религиозными объединениями во всех сферах жизни общества [5, С. 146].

Последователи кооперационной модели, как правило, одновременно ратуют и за законодательное закрепление за традиционными конфессиями особого статуса, обусловленного их историческим и национально-культурным влиянием на российскую государственность, а также отражающего реальное содержание современной государственно-конфессиональной политики.

И. В. Понкин указывает на то, что российская действительность диктует необходимость ранжирования религиозных объединений по признаку традиционности, поскольку, с одной стороны, это будет способствовать эффективному использованию их потенциала в духовно-нравственном образовании и воспита-

нии населения, а с другой – ограничению реализации нарушения прав граждан и российского законодательства со стороны маргинальных и преступных религиозных формирований [10, С. 63]. В другом месте автор поясняет, что введение понятия «традиционные религиозные организации» дифференцирует все религиозные объединения на традиционные для России и все остальные, что для первых будет означать возможность для расширенного сотрудничества с государством, а для последних не повлечёт никакой дискриминации или поражения в правах [10, С. 163].

По мнению А. В. Журавского, право государства ввести дефиницию традиционных конфессий обусловлено, во-первых, историческим прошлым тесного взаимодействия государства с традиционными конфессиями, во-вторых, отсутствием деструктивного элемента в их деятельности, в-третьих, их государствообразующим и культуурообразующим характером и, в-четвертых, наличием у государства опыта общения с традиционными конфессиями.

В научной литературе [2] предлагается ряд аргументов в пользу закрепления в законодательстве термина «традиционные конфессии»: в целях борьбы с религиозным экстремизмом необходима государственная поддержка таких религиозно-мировоззренческих идеалов, которые способны предотвратить распространение в общественном сознании радикальных экстремистских религиозных взглядов; Русская православная церковь сыграла государствообразующую роль в истории России и культууроформирующую роль в отношении русского народа; большая часть гражданского общества России представлена православием и исламом; в международном и российском законодательстве отсутствуют юридические препятствия для признания особой исторической роли традиционных конфессий; традиционные конфессии могут оказывать государству неоценимую помощь в обеспечении духовно-нравственной безопасности.

Таким образом, по сути, приверженцы кооперационной модели практически единогласно свидетельствуют о необходимости

дифференциации религиозных объединений по признаку традиционности. В свою очередь, противники кооперационной модели настаивают на антиконституционности такого деления.

С. А. Бурьянов и С. А. Мозговой утверждают, что «введение в правовой оборот неопределенно термина «традиционная» конфессия вообще может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы. Сколько времени необходимо религиозному объединению, чтобы стать традиционным? 15, 50, 100 или 1000 лет? Каких-либо критериев ни в науке, ни в праве не существует. Да и вообще в государстве, провозгласившем в своем Основном Законе равенство (ст. 14 Конституции РФ), не должно быть таких исключений». В своём докладе за 2011 год С. А. Бурьянов настаивает на системном нарушении государством конституционного принципа светскости посредством «клерикальной идеологизации органов власти и государственного управления, силовых структур, государственной (и муниципальной) системы образования. Клерикальная идеологизация государства – нарушение мировоззренческого нейтралитета, выражающаяся в сращивании институтов государства с религиозными организациями, доктринальные установки которых используются в качестве государственной идеологии...». Также о признаках клерикализации общества и размывании светскости государства рассуждает К. Г. Каневский, усматривающий в этом нарушении конституционных прав граждан на свободу совести. Он приводит следующие характеристики клерикализации общества: заключение религиозными организациями (в основном Русской православной церковью) партнерских соглашений с органами власти; предоставление отдельным церковным иерархам привилегий, предназначенных для государственных деятелей; привлечение священнослужителей в военные подразделения; отчисление финансовых средств религиозным организациям из государственной и муниципальной казны; поддержка государственной политики авторитетными религиозными организациями.

Исходя из данных пунктов, К. Г. Каневский делает вывод о том, что системе государственно-конфессиональных отношений в стране можно охарактеризовать как кооперационную.

Бывший омбудсмен О. О. Миронов полагает, что выделение некоторых конфессий по признаку традиционности создает условия для дискриминации иных религиозных объединений, что вступает в противоречие с требованиями Конституции Российской Федерации и международными обязательствами в сфере прав человека.

Интересна позиция американского публициста Ф. Штаркмана, который выступает против укрепления в России позиций традиционных конфессий, мотивируя это политическими интересами Америки. По его мнению, Россия представляет для оборонной промышленности и экономики Соединенных Штатов одну из главных и опасных угроз. Возможность для снижения данной угрозы автор видит в способствовании американской внешней политике мировоззренческому расколу в России и разделению общества в идеологической и религиозной сферах. Америка, по убеждению Ф. Штаркмана, заинтересована в ослаблении русского православия и укреплении в России позиций католицизма и иных религий и философий.

И. В. Степакова [11, С. 268] считает, что в настоящее время в России еще не сформирована кооперационная модель, но есть все предпосылки к ее реализации в скором времени: стремление государства играть значимую роль в регулировании отношений между религиозными объединениями; выраженная лояльность государства по отношению к традиционным конфессиям, несмотря на то что официально такого статуса у них нет, но исходя из преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» понятен перечень таких конфессий; складывающаяся практика заключения государственно-конфессиональных соглашений.

Автор подробно рассматривает каждую из возможных моделей, которые могут сложиться в России, относя их все к кооперационному

типу¹: модель государственной церкви (на статус которой претендует Русская православная церковь), модель конкордатов (наделение различных религиозных объединений своим набором прав и обязанностей) и модель поддержки нескольких религиозных объединений (наделение нескольких конфессий статусом традиционных). И. В. Степакова полагает, что при любой из указанных моделей перед Россией встанет вопрос изменения Конституции страны (в частности части 1 статьи 14, статьи 28), в связи с чем предлагает модель развития государственно-конфессиональных отношений, при которой роль государства в регулировании межконфессиональных отношений сводится к минимуму, что будет способствовать гарантиям соблюдения принципа свободы совести и вероисповедания и снимет противоречия между соблюдением конституционного принципа светскости и предпосылками к формированию кооперационной модели. Только в этом случае, по ее мнению, «можно будет говорить о либеральном стандарте религиозной свободы» [11, С. 281].

Последнюю группу представляют авторы, считающие, что для России характерна модель примата Русской православной церкви. При этом среди них, так же, как и в предыдущей группе, выделяются апологеты данной модели, ее противники, а также теоретики, не обозначающие своего субъективного отношения.

К последним относятся представители Тульского государственного университета им. Л. Н. Толстого, которые полагают, что «тенденция к идентификационной модели имеется именно в политической сфере» [3]. Также и Б. К. Кнорре рассуждает о сложившейся в России церковно-государственной симфонии, которая, конечно, существенным образом отличается от симфонии времен Византии. По его мнению, современная российская симфония, ввиду отсутствия государственной церк-

ви, опирается на сложившуюся систему неформальной церковно-государственной коммуникации (между церковными иерархами и политической элитой)».

В. И. Гараджа, в целом относившийся к привилегированности отдельных конфессий отрицательно, соглашался с тем, что для прочности государства необходимо признание определенных национально-политических идей, транслируемых доверенной религиозной организацией, полезными и обязательными для всех граждан. Автор озвучивает признак «национально-патриотической традиции», призванный выделить определенную конфессию среди прочих и оказать ей государственную поддержку.

Сторонники идентификационной модели и выделения Русской православной церкви среди прочих религиозных объединений исходят из того, что именно православие явилось государствообразующей и культуuroобразующей религией для России, и на протяжении тысячелетия государство взаимодействовало преимущественно с Русской православной церковью.

По мнению А. В. Еремина, Русская православная церковь «связывается с идентификационным паттерном далеко не только верующими или воцерковленными людьми, но и теми, кто осознает важность православия для историко-культурного процесса России и воспринимает его как концепт, позволяющий идентифицировать себя частью единого культурного пространства... стремление двух институтов к формам взаимодействия, которые законодательно закрепляют приоритетное положение православия, а также тенденция к административному ресурсу регулирования религиозной сферы свидетельствуют об актуализации механизмов, которые были актуальны для России длительный исторический период». По мнению В. А. Зверевой и Е. В. Белогубовой, роль православия для России обусловлена его историческим значением, поскольку оно является «носителем не только традиционных ценностей, но и социокультурных смыслов, определяя основные контуры общественного сознания и оказывая заметное

¹ Следует отметить, что к кооперационному типу И. В. Степакова относит не только взаимодействие на основе партнерства (конкордатов), но и модель государственной церкви.

влияние на политическую сферу общества» [4].

Довольно необычно и даже несколько парадоксально звучит мнение экс-директора Кестонского института Л. Юзелла: «Я не считаю существование государственной религии нарушением религиозной свободы: государственная религия есть в Норвегии, в Великобритании. Если бы Православная Церковь была государственной в России, я не считал бы это незаконным по отношению к правам человека».

Интересна позиция К. Штекль, которая главное преимущество моделей государственной церкви и избирательного сотрудничества усматривает в том, что фундаменталистские группы в указанных обстоятельствах не имеют шансов на официальное взаимодействие с государством и обречены на маргинальность. Противопоставляя этим двум моделям модель отделения церкви от государства, автор констатирует резкое увеличение возможности на успех для фундаменталистских религиозных групп [12].

Противники идентификационной модели исходят из тех же обоснований, что и их коллеги, выступающие против кооперационной модели. Кроме этого, в артикуляции преимущественного положения Русской православной церкви они видят опасность для развития межрелигиозной конфронтации.

К примеру, М. И. Одинцов полагает, что отказ государства от светской модели законодательного регулирования возрождение близких отношений с Русской православной церковью, что иными религиозными организациями было воспринято в качестве рецидива «имперской политики» с восстановлением государственной церкви и навязыванием православной идеологии.

Похожие мнения высказывают и другие авторы. Так, Н. А. Митрохин полагает, что общество недовольно претендованием Церкви на духовное наставничество государственных деятелей, лоббированием Русской православной церковью властных интересов, а также отождествлением многонационального и многоконфессионального российского народа

с православной идентичностью [7, С. 7]. В. С. Кржежев считает, что стремление государства рассматривать последователей лишь одной конфессии в качестве носителей «подлинно-национального» духа и высокой нравственности может быть опасным, способным спровоцировать конфликты на этнокультурной и конфессиональной почве, создавая вполне реальную угрозу политическому единству государства, а также духовному единению ее граждан [6].

М. С. Штерин, рассуждая о закреплении в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» «особой роли православия», констатирует, что «закон вводит то, что можно назвать «квазиофициальной религией». И хотя автор признаёт, что такое закрепление не влечет никаких правовых преференций для Русской православной церкви и сходно с законодательным регулированием ряда европейских стран, в то же время он полагает, что российские религиозные меньшинства попадают в уязвимое положение в силу высокого влияния в обществе идеологических мотивов, которые имеют большую силу в сравнении с правовыми процедурами.

В своем диссертационном исследовании А. В. Алексеев приходит к выводу, что в России сложилась «гибридная форма», для которой характерно сочетание элементов кооперационной модели церковно-государственных отношений и следующих четырех факторов: усиления контроля за регулированием религиозной сферы со стороны государства, развития церковно-государственной бюрократизации, усиления государственной поддержки Русской православной церкви и дискриминации новых религиозных объединений, частичных нарушений в сфере права на свободу совести. Однако, исходя из обозначенных А. В. Алексеевым характеристик, скорее, речь идет не о кооперационной, а об идентификационной модели, где преимущество со стороны государства отдается исключительно Русской православной церкви.

Нельзя обойти вниманием и известное письмо в адрес Президента России

В. В. Путина десяти академиков Российской академии наук «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?». Основной смысл письма сводится к тому, что в российском обществе нарастает клерикализация, которая, по мнению авторов письма, заключается во введении в школьную программу курса «Основы православной культуры» и включении в перечень научных специальностей «теологии».

В заключение обзора научных взглядов на современную российскую модель государственно-конфессиональных отношений можно привести мнение В. А. Зверевой как автора комплексной модели. В своем диссертационном исследовании она пришла к выводу, что современная модель отношений Российского государства с конфессиями характеризуется гибридным трёхсоставным содержанием: элементами дореволюционной дифференциации вероисповеданий с приматом Русской православной церкви; советской атеистической моделью; кооперационной моделью, подразумевающей взаимодействие светского государства с некоторыми религиозными объединениями в особо важных сферах жизни общества [4].

Таким образом, большинство современных исследователей в области государственно-конфессиональных отношений сходятся в том, что в современной России сочетаются законодательно закрепленные принципы светскости и равенства религиозных объединений с государственной политикой привилегированности отдельных религиозных организаций (одной организации) по признаку их исторической традиционности и национально-культурной роли. При этом часть авторов соглашается с таким положением дел и выступает за нормативно-правовое его закрепление в виде законодательной дефиниции «традиционные религиозные объединения»; другая же часть выступает против какой-либо дифференциации религиозных объединений, считая это нарушением вышеназванных конституционных принципов.

На наш взгляд, в современной России сложилась гибридная модель государственно-

конфессиональных отношений, вбирающая в себя признаки всех вышеизложенных вариантов, которая может именоваться как преференциально-кооперационная. Кооперационный характер связан с законодательным регулированием, которое включает в себя: конституционный принцип светскости; конституционный принцип отделения религиозных объединений от государства; конституционный принцип равенства религиозных объединений; акцентирование в федеральном законодательстве особой роли православия и выделение четырех мировых религий; организация на подзаконном уровне сотрудничества государства с религиозными объединениями (преимущественно относящимися к православию и исламу); использование на подзаконном уровне и в правоприменительной практике органами исполнительной власти неоднозначных терминов типа «секта», «деструктивный культ» и иных подобных в отношении нетрадиционных религиозных объединений.

Здесь следует остановиться на понимании конституционных принципов светскости и равенства религиозных объединений. Как отметил в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, «принцип светского государства не может истолковываться и реализоваться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий». Как представляется, внесённые в 2020 году изменения в российскую Конституцию, определили угол зрения, под которым следует понимать конституционный принцип светскости, не отождествляя его с атеистическим отношением к религии. Как верно подметил А. М. Осавелюк, «демократическое светское государство ни в коей мере не вправе занимать нейтральную позицию по отношению к исповедуемым обществом моральным ценностям» [9, С. 39]. С одной стороны, принцип светскости диктует необходимость четкого разграничения областей деятельности между государством и конфессиями и гарантии вза-

имного невмешательства во внутренние дела друг друга, а с другой – не запрещает их сотрудничества в тех сферах, где задействованы морально-нравственные категории, единый стандарт светского государства отсутствует: где-то религиозные объединения полностью отделены от государства, где-то выделяются доминирующие религиозные объединения, с которыми заключаются договоры, где-то доминирующему религиозному объединению отдаются определенные преференции и т. п. Как представляется, наиболее оптимальным вариантом светского государства можно назвать такой, где не допускается вмешательство в дела религиозных объединений и религиозные нормы не включаются в систему права, но религия не исключается из общественной жизни, а, напротив, приветствуется активное взаимодействие властных органов с религиозными объединениями как хранителями непреложных морально-нравственных ценностей.

Что касается принципа равенства религиозных объединений, то здесь важно не отождествлять равенство религиозных объединений с равенством их статуса. По справедливому замечанию И. А. Куницына, важно разделять принцип равноправия религиозных объединений, то есть законодательно обусловленного наличия равного объема прав, от равенства перед законом, подразумевающего осуществление деятельности любого религиозного объединения на основании законодательства Российской Федерации. Иными словами, религиозные объединения не могут подвергаться дискриминации своих прав, однако в неправовом поле государство не связано запретами в предпочтении тех или иных религиозных объединений в зависимости от конкретных целей и ситуации. И этот акцент, на наш взгляд, означает именно то, что государство и религиозные объединения неразличны друг другу: принцип светскости не означает, что между ними должно быть противопоставление, но допускает союзничество в общих целях.

Переходим к характеристике преференциального компонента предложенной модели,

который обусловлен реальной политической ситуацией, формируемой внеинституциональной государственно-конфессиональной коммуникацией и гражданским обществом: личное взаимодействие Президента России только с религиозными лидерами христианства, ислама, буддизма и иудаизма (при этом наиболее тесное общение организовано с Патриархом Московским и всея Руси); лояльность власти к деятельности Всемирного русского народного собора и реализация продвигаемых им концептов, ориентированных на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, поддержку Русской православной церкви и включение православного контекста во все сферы государственно-общественного развития; публичная самоидентификация с православием представителей высших органов власти, включая Президента России; публичные заявления Президента РФ и высших должностных лиц о лояльности к традиционным религиозным ценностям, прежде всего христианским; самоидентификация большей части населения России с православием; ассоциирование обществом национальной духовной культуры преимущественно с православием, а также с исламом, в меньшей степени – с буддизмом и иудаизмом; негативное отношение гражданского общества к новым религиозным движениям и произвольное отождествление их с деструктивными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно ответить, что, несмотря на то что Российское государство позиционирует себя светским, как и большинство европейских стран, оно активно сотрудничает с религиозными объединениями, преимущественно традиционными, отдавая предпочтение среди них Русской православной церкви. На наш взгляд, предложенная преференциально-кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, при условии её добросовестной реализации, правомерна и закономерна для России.

Библиография / References:

1. Бабошина Е.В. Правовая политика стран Западной Европы в сфере конфессиональных отношений // *Философия права*. – 2010. – № 1. – С. 62–65.
  2. Баранов П.П. Совершенствование конституционно-правовых основ функционирования Русской православной церкви и гражданского общества // *Философия права*. – 2012. – № 4 (53). – С. 15–19.
  3. Богомазова Н.Л., Валеева Г.В., Слобожанин А.В. Специфика государственно-конфессиональных отношений в России (конец XX – начало XXI века) // *Грамота*. – 2019. – Т. 12. – Выпуск 10. – С. 219–222.
  4. Зверева В.А., Белогубова Е.В. Диалектика государственно-конфессиональных отношений в России: историко-культурный аспект // *Власть*. – 2016. – № 3. – С. 97–100.
  5. Исаев А.В. Роль и место Русской православной церкви в развитии государства: история и современность // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2010. – № 1. – С. 138–148.
  6. Кржевов В.С. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? // *Философские науки*. – 2012. – № 10. – С. 93–105.
  7. Митрохин Н.А. Церковь, этнонационализм и государство // *Pro et contra*. – 2013. – № 5. – С. 6–16.
  8. Мордовцева Т.В. Клерикализм в условиях светской российской государственности // *Философия права*. – 2013. – № 4. – С. 16–21.
  9. Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 года в Конституции России) // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15. – № 8 (117). – С. 32–42.
  10. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
  11. Степакова И.В. Современное Российское государство и РПЦ: особенности и перспективы взаимоотношений // *Политэкс*. – 2011. – Т. 7. – № 3. – С. 265–281.
  12. Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2018. – № 3. – С. 15–25.
1. Baboshina Ye.V. (2010) Pravovaya politika stran Zapadnoy Yevropy v sfere konfessional'nykh otnosheniy [Legal policy of Western European countries in the sphere of confessional relations] // *Filosofiya prava*. – №1. – S.62–65. (In Russ.).
  2. Baranov P.P. (2012) Sovershenstvovaniye konstitutsionno-pravovykh osnov funktsionirovaniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi i grazhdanskogo obshchestva [Improving the constitutional and legal foundations for the functioning of the Russian Orthodox Church and civil society] // *Filosofiya prava*. – № 4 (53). – S.15–19. (In Russ.).
  3. Bogomazova N.L., Valeyeva G.V., Slobozhanin A.V. (2019) Spetsifika gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii (konets XX – nachalo XXI veka) [The specifics of state-confessional relations in Russia (the end of the 20th - the beginning of the 21st century)] // *Gramota*. – T.12. – Vypusk 10. – C.219–222. (In Russ.).
  4. Zvereva V.A., Belogubova Ye.V. (2016) Diialektika gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii: istoriko-kul'turnyy aspekt [Dialectics of State-Confessional Relations in Russia: Historical and Cultural Aspect] // *Vlast'*. – № 3. – S.97–100. (In Russ.).
  5. Isayev A.V. (2010) Rol' i mesto Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v razvitii gosudarstva: istoriya i sovremennost' [The role and place of the Russian Orthodox Church in the development of the state: history and modernity] // *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. – №1. – S.138–148. (In Russ.).
  6. Krzhevov V.S. (2012) Religiya v sovremennoy Rossii: dukhovnoye vozrozhdeniye ili klerikalizatsiya obshchestva? [Religion in modern Russia: spiritual revival or clericalization of society?] // *Filosofskie nauki*. – №10. – S.93–105. (In Russ.).

7. Mitrokhin N.A. (2013) Tserkov', etnonatsionalizm i gosudarstvo [Church, ethnonationalism and the state] // Pro et contra. – №5. – S.6–16. (In Russ.).

8. Mordovtseva T.V. (2013) Klerikalizm v usloviyakh svetskoy rossiyskoy gosudarstvennosti [Clericalism in the conditions of secular Russian statehood] // Filosofiya prava. – №4. – S.16–21. (In Russ.).

9. Osavelyuk A.M. (2020) Razmyshleniya o svetskom gosudarstve (v svete izmeneniy 2020 goda v Konstitutsii Rossii) [Reflections on a secular state (in the light of the 2020 changes in the Constitution of Russia)] // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – T.15. – №8 (117). – S.32–42. (In Russ.).

10. Ponkin I.V. (2003) Pravovyye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya [Legal foundations of the secular state and education]. – M.: Pro-Press. – 416s. (In Russ.).

11. Stepakova I.V. (2011) Sovremennoye rossiyskoye gosudarstvo i RPTS: osobennosti i perspektivy vzaimootnosheniy [The Modern Russian State and the Russian Orthodox Church: Peculiarities and Prospects of Relations] // Politeks. – T.7. – №3. – S.265–281. (In Russ.).

12. Shtekl' K. (2018) Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Three models of church-state relations in modern Russia] // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. – №3. – S.15-25. (In Russ.).